

Т. С. ПАССЕК. Периодизация трипольских поселений, МАИ, № 10, М.—Л., 1949, 245 стр., цена 28 руб.

По количеству и разнообразию сохранившихся памятников, по их культурно-историческому и художественному значению трипольская культура, существовавшая в глубокой древности на лесостепной территории в бассейне Днестра, Нижнего Дуная и промежуточных рек Причерноморья, занимает безусловно выдающееся положение. Через ее посредство древнейшие судьбы нашей родины связываются с историей средиземноморских стран и, в частности, с эгейской культурой.

Начало трипольской культуры относится к той стадии неолита, когда металлы, хотя и были известны, но, вследствие его редкости, мало употреблялись. Введение в хозяйственный обиход меди, а также развитие мотыжного земледелия и скотоводства, вызывали к жизни древние «культуры крашеной керамики», связанные между собой некоторыми чертами сходства, в Месопотамии, Сирии и Египте, в Средней Азии (культура типа Анау), на Кавказе (Палка, Кзыл Банк), на Украине и на Балканах (трипольская и родственные ей культуры на Дунае, в Македонии и Фессалии). К ним принадлежит, наконец, эгейская культура на Крите, Кикладах и на материке Греции. Именно эти сходственные черты и толкали исследователей прежнего времени к поискам истоков трипольской культуры или на Ближнем Востоке или на юго-западе, на берегах Эгейского моря.

Изучение трипольской культуры, открытой более 50 лет назад киевским археологом В. В. Хвойко, имеет уже свою историю. Хвойко, Э. Р. Штерна и в особенности А. А. Спицын сделали весьма много для обнаружения и изучения трипольских поселений. Одновременно с открытием трипольских памятников на Украине аналогичные находки были сделаны в Румынии, Венгрии и позднее в Болгарии. Однако лишь после Великой Октябрьской социалистической революции именно трудами советских ученых были получены необходимые данные, ставшие изучению трипольской культуры на строго научную почву.

Взгляды Хвойко, Штерна и многих зарубежных исследователей основывались на ошибочных представлениях о характере и хронологии трипольских памятников. Еще 18—20 лет назад было широко распространено мнение о культово-погребальном характере трипольских «площадок», в действительности являющихся остатками жилых сооружений. Хвойко считал все трипольские землянки более древними, нежели площадки. Ввиду этого разработанная им хронология трипольских памятников оказалась в полном противоречии с действительностью, так что более древние объекты были им признаны за более поздние и наоборот. Обнаружить эти ошибки и получить правильное представление о трипольских поселениях удалось лишь в недавние предвоенные и послевоенные годы в результате планомерных раскопок, осуществляемых в значительной части усилиями русских и украинских археологов.

Рассматриваемая работа принадлежит перу одного из наиболее активных и плодотворных исследователей трипольской культуры и основывается в большой степени на результатах собственных археологических исследований ее автора. Она является также обобщением предшествующих синтетических работ, посвященных систематизации трипольской керамики, реконструкции жилищ и т. п. и является самым обстоятельным трудом из всех написанных до сих пор на тему о трипольской культуре. Его особенным достоинством оказывается и то, что автор учитывает в своих исследованиях весь трипольский материал, что, несомненно, обеспечивает изложению полноту, а построениям — обоснованность и солидность.

Читатель, сверх этого, может совершенно отчетливо оценить тот вклад, который сделан в изучение трипольской культуры многолетними работами самого автора. Речь идет не только о весьма плодотворных по своим научным результатам и по обилению добытого материала раскопках. Т. С. Пассек разработала методику исследования трипольских поселений, представляющих в археологическом отношении свои особенности и свои специфические трудности. Она произвела классификацию трипольской керамики, на основании которой этот наиболее распространенный в раскопках три-

польских памятников материал приобрел точные датирующие признаки. Наконец, в рассматриваемом капитальном труде Т. С. Пассек дает сводку, а также историческую и хронологическую периодизацию всего известного трипольского материала, позволяющую оперировать им как материалом историческим при изучении древнейших стадий развития народов СССР.

Книга Т. С. Пассек представляет собой опыт периодизации трипольских археологических остатков на основе изучения стратиграфии трипольских поселений и выяснения социально-экономической структуры трипольского общества. Руководствуясь этими принципами, автор противопоставляет свою периодизацию тем попыткам, которые производились с позиции формального введения, основанного на типологическом методе (стр. 22).

Опираясь на данные стратиграфии поселений трипольского типа в Румынии (Тордош, Кукутени, Извоар и др.), Венгрии (Вичча), Болгарии, а также Македонии и Фессалии (Сескло и Димитри), автор разделяет трипольскую культуру на три периода, из которых ранний (А) прослеживается на территории СССР в особенности на поселениях: Попов-Город, Врублевца, Борисовка, Красноставка и др. Этот период характеризуется глинобитными жилищами наземного (площадки) и углубленного в землю (землянки) типа, а также керамикой с нарезным (углубленным) спирально-ленточным орнаментом и бедной каменной и костяной индустрией, при почти полном отсутствии изделий из металла.

Средний этап подразделяется на два периода (VI и VII), из которых первый прослеживается на поселениях: Кадиевцы, Кудринцы, Незвишка на Днестре и Сабатиновка на Буге, а второй в особенности отчетливо проявляется на исследованных автором приднепровских поселениях: Коломыйщина II и Владимировка. В это время появляются моно- и полихромная (в три цвета) керамика, глиняные, преимущественно женские, статуэтки, нередко орнаментированные краской, разнообразный каменный и костяной (роговой) инвентарь, среди которого значительное место занимают земледельческие орудия, а также изделия из меди (топоры). Для поселений, жилища которых состояли из двух или нескольких помещений и располагались несколькими концентрическими кругами, характерно наличие большого количества костей домашних животных, в том числе крупного и мелкого рогатого скота, а также свиньи.

Наконец, поздний этап Триполья подразделяется автором также на два периода (I и II), разграничиваемых, кроме того, и географически: CI и CII — для северных областей Приднепровья и Побужья, γI—γII — для западно-причерноморского побережья, с поселениями городско-усатовского типа. Этот период характеризуется увеличением роли скотоводства в хозяйстве трипольцев, а также наличием ряда признаков, свидетельствующих о возникновении частной собственности и домашнего рабства (захоронения близ Усатова с богатыми приношениями и захоронения женщин и слуг при главном мужском погребении). Эти явления сопровождаются модификацией жилища; оно уменьшается и из наземных многоочажных площадок предшествующего периода превращается в небольшие, несколько углубленные в грунт одноочажные землянки. В керамике, наряду с расписной посудой (преимущественно монохромной), появляется много разнообразных сосудов с нарезным и штампованным орнаментом, сближающим позднетрипольскую керамику с керамикой южнорусских культур эпохи ранней и развитой бронзы, бытовавших во II тысячелетии до н. э. к востоку от нижнего течения Днестра и на Дону. Появление этих признаков сближает трипольскую культуру с другими культурами эпохи бронзы, на основе которых в I тысячелетии до н. э. возникла и развилась скифская культура.

Характерное трипольское поселение, как показывает автор на богатом материале, добытом ее же раскопками, состояло преимущественно из больших, рассчитанных на многочисленных обитателей, глинобитных жилищ. Представление об их внешнем виде и внутреннем устройстве дают замечательные глиняные модели трипольских жилищ, находимые многократно в раскопках и являвшиеся ритуальными приношениями. Подобные модели представляют не только внутреннее устройство и убранство трипольских жилищ, но также и их обитателей, занятых хозяйственными делами (растравление

зерна, как на модели жилища из Сушковки). При весьма ограниченном употреблении металла (меди), который, видимо, очень высоко ценили и который поэтому редок среди находок, огромное значение приобретала разнообразная кремневая индустрия, со значительным процентом крупных, тонко отполированных орудий. Весьма нередки также орудия из кости и рога, в особенности сельскохозяйственные мотыги и серпы.

Огромное значение в жизни трипольского населения имела керамика. Раскопанные поселения дают ее многочисленные и разнообразные по форме и орнаментике образцы. Наиболее распространенными формами трипольских сосудов являются большие с округлыми плечиками кратеры или биконические кувшины, иногда с ушками или небольшими ручками (амфоры). Известны также широкие, с прямыми высокими краями чаши, а также двойные бипоклевидные сосуды, каких не мало среди соответствующего фракийского и малоазийского материала. Подобные керамические формы вообще широко распространены в пределах Средиземноморья. В орнаментике трипольской керамики, наряду с линейно-геометрическими мотивами, исполненными посредством штриха и углубления, гораздо же чаще посредством краски, иногда в три цвета, встречаются также изображения животных и человека, в особенности на поздних стадиях трипольской культуры. Среди изображенных животных — бык, коза, олень, собака, дикое зверь. Изображения с нашей точки зрения весьма условны и приближаются несколько к тому «звериному стилю», который характерен для более позднего искусства Скифии и Кавказа.

Характерно также обилие глиняной скульптуры — изображений животных (быка, свиньи) и в особенности человека (женщины). Изображения эти имели культовое значение и наиболее многочисленны в раскопках тех мест (в жилищах или в особых помещениях), которые отводились для исполнения религиозных церемоний.

Предложенная Т. С. Пассек периодизация трипольского материала отличается выгодным образом от предшествующих попыток этого рода прежде всего своей универсальностью. Она охватывает все известные в настоящее время памятники Триполья и культур, непосредственно ему родственных. Кроме того, она исходит из изучения социально-экономической эволюции трипольской культуры, насколько таковая выяснена трудами Е. Ю. Кричевского, равно как и предшествующими работами самого автора.

Обосновывая эту периодизацию, Т. С. Пассек пытается дать ответы на все вопросы, возникающие при изучении генезиса, развития и упадка трипольской культуры. Разумеется, далеко не все эти ответы одинаково исчерпывающи. Многие из проблем, по состоянию их изученности, только лишь намечены и указывают на настоятельную необходимость дальнейших исследований. Таковы прежде всего вопросы возникновения трипольской культуры.

Генезис форм трипольских поселений и жилищ не может считаться достаточно выясненным; не ясен, в частности, вопрос о приоритете площадок над землянками. Обе эти формы трипольских жилых сооружений представляются существующими параллельно, хотя логически землянка с глинобитными стенами и глиняным полом должна была бы предшествовать «площадке», т. е. глинобитному сооружению на поверхности земли (стр. 53).

Коррелирующая в состоянии материала четкость картины эволюции хозяйственных форм обуславливает неточности при выяснении эволюции социальной. Помещая трипольскую культуру на нижней и средней ступени варварства, по схеме Энгельса (стр. 20), автор в то же время, опираясь на анализе трипольских многосемейных жилищ и на наличии большого количества женских глиняных статуэток, считает возможным продолжать говорить на основании установленного в нашей науке мнения о матриархальном роде в Триполье, который сменяется отцовским родом лишь на самом позднем этапе существования трипольской культуры. Между тем необходимо обратить большее внимание на сведения о наличии значительного количества крупного рогатого скота в трипольских поселениях средней поры (Собатиновка, стр. 50).

Дальнейшее изучение трипольского материала, как нам представляется, быть может покажет, что возникновение трипольской культуры в ее развитом виде как раз

и связано с переворотом, который под влиянием развивающегося скотоводства привел к уничтожению материнского рода и замене его родом патриархальным¹.

Эти вопросы возникают при чтении книги потому, что абсолютная хронология трипольской культуры изучена еще недостаточно. Автор, правда, отмечает в горизонте В поселения Кукутени, по аналогии с которым датируются трипольские поселения позднего периода, наличие импортной «минийской» керамики, относящейся к середине II тысячелетия до н. э., а также бронзовых предметов, позволяющих датировать конец Кукутени В последними столетиями II тысячелетия до н. э. (стр. 112). Однако традиционная хронология Триполья, отпавшегося Хвойко и его последователями к эпохе «неолита», имеет до сих пор столь сильное психологическое значение, что, несмотря на все эти ясные указания, наш автор устанавливает для Триполья в качестве *terminus ante quem* 1700 г. до н. э. Начальной же датой Триполья, по его мнению, на основании тех же аналогий, является 3000 г. до н. э., хотя недавние наблюдения над ранними слоями Трои и Крита убеждают в том, что нижняя дата древнеазиатской и эгейской культур должна быть отодвинута в IV тысячелетие до н. э.² Новейшие наблюдения над сравнительной хронологией древних культур Эгейского бассейна показывают, кроме того, с достаточной очевидностью, что неолитические культуры южной и северной части этого бассейна могут быть признаны синхронными; лишь в более позднее время бурного развития эгейской культуры отмечается некоторое отставание в Фессалии и Македонии.

Установление синхронизма между среднеминойским II периодом и царствованием Хаммураби, которое должно быть приурочено к XVIII в. до н. э., лишь подтверждает необходимость отнесения позднего Триполья к середине II тысячелетия до н. э., так как оно датируется в Румынии минийской керамикой, синхронной отчасти критской керамике стиля Камарес. Принятие подобной даты отнюдь не противоречило бы археологическим фактам, свидетельствующим об известной параллельности в развитии позднетрипольской и катакомбной культур.

Что же касается сравнительной редкости находок металлических изделий и их архаических форм, то это объясняется, по видимому, с одной стороны, отсутствием соответствующих предметов среди погребальных приношений, из числа которых и происходит большинство древних металлических изделий в наших коллекциях, а с другой — силой традиции, удерживавшей в быту архаичные, пережиточные формы. К числу таких пережитков может быть причислено также и все то, что свидетельствует в пользу трипольского матриархата, т. е. главным образом наличие ярко выраженного культа женского божества плодородия, засвидетельствованного большим количеством разнообразных женских статуэток, помещавшихся в домашних святилищах на специальных подставках (рис. 50, 1; ср. рис. 62, 10), имеющих отверстия для нескольких таких статуэток, наподобие древнеиталийских ларариев. Древний культ женского божества плодородия в Причерноморье сходен с аналогичными культами «Великой матери» в Малой Азии, на Крите и в Сирии и т. д.; о наличии значительных пережитков представлений, связанных с эпохой матриархата, свидетельствуют античные легенды о *γυναικοκρατορία*, связанные со скифскими племенами. Об этом же свидетельствуют и известные черты скифского погребального ритуала.

Говоря о трипольских поселениях, Т. С. Пассек употребляет все время выражение «трипольские племена», имея в виду, разумеется, лишь определенное культурное целое. Между тем рассматриваемый ею материал, в особенности керамический, позволяет, быть может, наметить известные границы этих племен, выраженные определенными бытовыми признаками (предполагающими также единство языка, культа и т. п.). Совершенно недостаточно данных для выводов антропологического порядка относительно этнической принадлежности трипольских племен к «арменонидным» — черты которых автор пытается усмотреть на основании более чем условной трактовки лица и формы головы у некоторых трипольских статуэток (стр. 237).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 37 сл.

² Ср. ВДИ, 1949, № 2, стр. 266, а также ВДИ, 1946, № 3, стр. 212.

То обстоятельство, что на некоторые из поднятых здесь нами вопросов в рассматриваемой книге не всегда можно дать удовлетворительные ответы, разумеется, отнюдь не умаляет ее выдающегося значения. Проблемы социального развития в эпоху общинно-родового строя, так же как и вопросы абсолютной хронологии археологических объектов в эпохи неолита и бронзы, еще далеки от разрешения даже применительно к культурам, изученным более детально и на основании более податливого в этом смысле материала, чем материал трипольских поселений.

Рассмотрение этой книги приводит нас к убеждению, что она является весьма большим шагом вперед на пути систематизации и исторического изучения археологических памятников трипольской культуры. В ней, кроме того, подведены итоги большой работы, проделанной предшествующими исследователями, и дана ее критическая оценка.

Нам хотелось к тому же, разбирая эту книгу, дать почувствовать читателю хотя бы отчасти общегисторическое значение трипольской культуры и ее место в ряду других древних культур, развивавшихся на территории нашей Родины в доисторические времена. Весьма существенно, что отдельные элементы трипольского жилища могут быть угаданы в позднейших глинобитных жилищах Причерноморья, а формы и орнамента трипольской керамики прослеживаются на керамических образцах эпохи поздней бронзы и раннего железа, стилистические же особенности, свойственные трипольским глиняным статуэткам, отмечаются также в местной терракотовой пластике причерноморских городов греко-сарматского периода. Мы видим, следовательно, что точно так же как эгейская культура в центре Средиземноморья послужила во многих местах основой и почвой для позднейшей эллинской цивилизации, также и трипольская культура на западе Причерноморья послужила важным этапом культурного развития племен, сыгравших позднее, в I тысячелетии н. э., решающую роль в этногенезе восточных и западных славян. Трипольская культура является, таким образом, наряду с другими культурами эпохи бронзы юга СССР той основой, на которой впоследствии выросла сначала культура скифских, а затем и древнеславянских племен.

Л. А. Ельницкий.

Вопросы древней истории в «Кратких сообщениях ИИМК», вып. XII — XXV (1946 — 1949 гг.).

В «Кратких сообщениях о докладах и полевых исследованиях ИИМК» находят место статьи и публикации, касающиеся античной археологии, отражающие деятельность соответствующих секторов ИИМК, а также местных исследовательских и музейных учреждений и отдельных лиц. В работе редакции можно различить два периода: первый — до 1947 г. включительно, и второй — с начала 1948 г.

Работы на античные темы, опубликованные в выпусках КСИИМК (XII—XXI), появившихся в свет на протяжении 1946—1947 гг., довольно многочисленны и разнообразны. Они могут быть разделены на три категории: статьи исследовательского характера, поднимающие общие вопросы советского антиковедения, исследования и публикации, касающиеся каких-либо специальных тем или отдельных памятников, и, наконец, отчеты о раскопках и информационные сообщения.

В частности, в качестве работ общего характера, непосредственно затрагивающих проблематику антиковедения, может быть названа, собственно, всего лишь одна статья Б. Н. Г р а к о в а «Гермин Σχόρα: и его производные в надписях Северного Причерноморья» (опубликована в вып. XVI, стр. 79—89), ставящая своей задачей определение географического содержания, вкладывавшегося в наименование «Скифы»,